

Закончив с таньюань, она взяла вазы, которые дала тетушка, и начала расставлять цветы. Букет роз был слишком большим, и если поставить его в одну большую вазу, это выглядело бы слишком грубо и некрасиво. Подумав, она решила разделить его на две части, добавив веточки снежной ивы, которые уже были в саду. Нин Чжицянь не была мастером флористики, но, так как десерты тоже требовали украшений, у неё был некоторый опыт. Немного подумав, она смогла создать две вполне симпатичные композиции.

Нин Чжицянь закончила с цветами, поставила более красивую вазу на журнальный столик, чтобы Чу И могла увидеть их, когда вернется, а менее удачную отнесла в свою комнату.

Там она увидела поздравительную открытку, которая спокойно лежала на столе.

Нин Чжицянь, боясь, что составление букетов займет слишком много времени, вынула открытку и небрежно положила, прежде чем спуститься вниз. Теперь, когда оставалось только ждать возвращения Чу И, у неё появилась возможность внимательно рассмотреть написанное на открытке.

Там было всего три простых слова: «Нравлюсь тебе».

Нин Чжицянь долго смотрела на них, её уставший мозг не мог точно вспомнить детали того, как Чу И подарила ей цветы. Внезапно она вспомнила взгляд Чу И, который заставил её сердце трепетать, и почему-то эти, казалось бы, обычные слова засели у неё в голове. Закрыв глаза, она попыталась вспомнить подробности.

Когда она закрыла глаза, её мысли вдруг оживились, и она перенеслась к той сцене, которую они разыграли перед бабушкой.

Поцелую, который так и не состоялся.

Нин Чжицянь резко очнулась, открыла глаза и уставилась на слова «Нравлюсь тебе» на открытке. Немного помолчав, она потрогала свою щеку и, как и ожидала, почувствовала жар. Затем она коснулась губ — это было совсем не то чувство, что когда Чу И касалась их.

Если бы они действительно поцеловались...

— Стоп! — Нин Чжицянь вовремя остановила себя. — Не думай об этом, пора спать.

Она бросилась на кровать, завернулась в одеяло и свернулась калачиком, пытаясь успокоиться и прогнать слишком активные нехорошие мысли с помощью постепенно накатывающего тепла.

Неизвестно, сколько времени она провела в таком состоянии, но заснуть ей не удалось. Она выглянула из-под одеяла и посмотрела на часы на тумбочке.

21:34.

Уже так поздно. Если Чу И вернется сегодня ночевать, она должна быть уже в пути?

Нин Чжицянь подумала, не стоит ли ей спросить, переключилась на чат, набрала «Ты», но затем стерла: если она отправит сообщение и Чу И ответит, то, вернувшись домой, она постучит к ней?

А если постучит, им придется встретиться лицом к лицу, смотреть друг на друга, и...

Нин Чжицянь снова вспомнила, как бабушка кричала «Поцелуйтесь!», а Чу И приподняла её

подбородок.

— Хватит!

Нин Чжицянь поняла, что она совсем потеряла контроль над своими мыслями, бросила телефон и начала кататься по кровати, завернувшись в одеяло. Немного успокоившись, она посмотрела на телефон, который чуть не упал с края кровати, и задумалась над серьезным вопросом.

Что с ней происходит?

Нин Чжицянь никогда не испытывала ничего подобного, поэтому не могла найти ответа. Укутавшись в одеяло, она погрузилась в самокопания.

Снаружи вдруг послышался шум.

Нин Чжицянь словно укололась, резко села и, не надев тапочки, побежала к двери, чтобы прислушаться, прижавшись к полотну.

Действительно, кто-то поднимался по лестнице. Чу И отчитала секретаря Фан:

— Потихе.

Секретарь Фан ответила:

— Деревянный пол всегда будет скрипеть.

— Тогда найди кого-нибудь, чтобы постелили ковёр.

— Хорошо, какого цвета?

— Подумай сама, — закончила Чу И. — Ты можешь идти домой.

Больше она ничего не смогла разобрать, так как Чу И и секретарь Фан повернули в коридор, ведущий в противоположную от её комнаты сторону. На таком расстоянии, как бы она ни прижималась к двери, ей не удалось бы услышать их разговор.

Нин Чжицянь очнулась, посмотрела на себя, прижавшуюся к двери, и вздохнула, постучав себя по лбу:

— Извращенка.

—

На следующий день у Нин Чжицянь был выходной утром, а вечером она работала до поздней ночи. Когда она должна была спать, её тело не слушалось, и после ночи, полной странных снов, она проснулась ранним утром.

Она помнила последний кадр сна: она составляла букет, и шип розы порезал ей руку. Чу И нежно спросила, больно ли ей, а затем взяла её раненый палец в рот и теплым, ловким языком слизала кровь.

Нин Чжицянь проснулась, уставившись на обычный потолок, и убедилась, что вернулась в реальный мир.

Сон — это просто сон, такое невероятное.

Нин Чжицянь перевернулась, увидела на часах «07:07», потерла глаза и подумала: под одеялом так тепло, сегодня ночью придется работать до утра, так что спать дальше — это правильно, но... если встать, можно позавтракать с Чу И.

Эта мысль развеяла её сонливость, и она встала, чтобы умыться.

Не нужно было идти на работу, поэтому Нин Чжицянь не беспокоилась о дресс-коде на кухне, могла надеть платье, украшения и накраситься. Умывшись, она начала одеваться, открыла шкаф и вспомнила, какие цвета нравятся Чу И, выбрала светло-розовое платье.

Чу И сидела за столом и ела кашу, услышав шаги, подняла глаза и улыбнулась, как утреннее солнце — ярко и тепло:

— Доброе утро.

— Доброе утро, — Нин Чжицянь села рядом с Чу И.

— Почему ты так оделась? — спросила Чу И. — Куда идешь?

Нин Чжицянь растерялась.

Она сама не знала, зачем это сделала.

— Никуда, — наконец ответила Нин Чжицянь, слегка сжав губы, и честно призналась. — Редко бывает выходной, решила принарядиться.

Чу И поверила:

— Очень красиво.

— Спасибо, — Нин Чжицянь была полна радости, и каша казалась ей особенно вкусной.

И тут она обожглась.

— Ой! — Нин Чжицянь быстро прикрыла рот, слезы навернулись на глаза, но она не выплюнула кашу.

Чу И протянула ей салфетку:

— Не торопись.

Нин Чжицянь кивнула, с трудом проглотив кашу. Вкус каши распространился по рту, она попробовала ещё раз и узнала его:

— Это говяжья каша с улицы Саньшунь?

— Да, из пятой лавочки без вывески.

— О, давно её не ела, — вздохнула Нин Чжицянь. — Когда я езжу к старшей сестре, всегда покупаю там порцию каши, она очень вкусна с ютяо.

Чу И протянула ей ютяо:

— Вот ютя.

Нин Чжицянь кивнула, съела пару кусочков и вдруг вспомнила:

— Эта лавочка совсем маленькая, как ты о ней узнала?

— У меня есть друг, он гурман, однажды привел меня туда. Говяжья каша там без характерного запаха, что редкость, я запомнила это место и иногда прошу секретаря Фан покупать там.

— Угу, это место действительно хорошее.

Чу И почистила для неё яйцо:

— Ешь побольше.

— Кстати, — спросила Нин Чжицянь, — когда ты хочешь пойти гулять? Сегодня я попробую поменяться сменами с Джо и коллегами.

— Решай ты, я всегда свободна.

Нин Чжицянь посмотрела на неё с завистью:

— Быть начальником — это здорово.

— Ты тоже можешь.

— Как это, — пробормотала Нин Чжицянь. — У меня нет таланта к бизнесу.

Чу И неожиданно сказала:

— Можешь стать хозяйкой.

— Кх! — Нин Чжицянь снова обожглась, не выдержала и выплюнула кашу.

Чу И, уже имея опыт, вовремя подала ей салфетку, одновременно похлопывая по спине и поглаживая по голове, как ребенка:

— Цяньцянь, нужно есть медленно, тщательно пережевывая, нельзя торопиться.

— Хорошо, — тихо ответила Нин Чжицянь.

Она размышляла, а Чу И, продолжая гладить её волосы, вдруг сказала:

— У тебя такие хорошие волосы, как ты за ними ухаживаешь?

— Иногда хожу в салон красоты, делаю процедуры, — вспомнила Нин Чжицянь. — А так обычно пользуюсь кондиционером и масками.

— Не красила?

— Нет, я этого не делаю, в конце концов, под поварским колпаком всё равно не видно, — объяснила Нин Чжицянь. — Просто подравниваю длину и кончики.

— Как хорошо, они такие гладкие и блестящие.

Нин Чжицянь хотела ответить комплиментом, но, открыв рот, заметила, что сегодня Чу И собрала волосы, и с её угла зрения причёска была не видна. Немного подумав, она не смогла побороть свою косноязычность и просто выдавила:

— У тебя тоже.

Чу И засмеялась и ущипнула её за щеку:

— Я пошла на работу.

— Угу! — Нин Чжицянь встала, чтобы провести её.

Чу И сразу же усадила её обратно, наклонилась и прошептала на ухо:

— Не надо провожать, хорошенько позавтракай.

Её дыхание коснулось уха, вызывая приятное тепло. Нин Чжицянь почувствовала, что не может сопротивляться, только кивнула и сказала мягким, с ноткой каприза голосом:

— Пока, осторожнее на дорогах.

Чу И обернулась и улыбнулась ей.

Нин Чжицянь смотрела ей вслед, пока та не скрылась из виду, затем продолжила завтракать, больше не совершая глупостей вроде обжогов. Закончив с едой, она всё ещё не хотела спать и решила найти себе занятие.

<http://bllate.org/book/16857/1552294>